

Потолок уже был сплошь заклеен иероглифами «счастье», а Род по дороге просвещал Эстера:

— Говорят, что десятки тысяч лет назад всё было совсем не так, как сейчас. Раньше люди делились на мужчин и женщин, и женились мужчина и женщина. Интересно, кто же будет моей невестой?

Эстер недоверчиво оглядывал эту избушку:

— Твоя комната точь-в-точь как моя.

— Мои вещи растерял этот щенок, похоже, сегодня вечером мне не справиться с заданием.

Течение времени в игре разительно отличалось от внешнего мира: прошло всего лишь мгновение, а край неба уже окрасился оранжево-красным закатом.

Эстер уже несколько раз обошел вокруг деревни, пытаясь отыскать Гу Жо, но так ничего и не обнаружил.

Здесь были одни лишь старики, которые с жутким выражением лиц разглядывали Эстера. Троих других соседей по комнате тоже нигде не было видно — неизвестно, куда они подевались.

Эстер рассказал Роду новость о том, что Гу Жо тоже попал внутрь.

Род изумленно протянул «о-го-го» и восхитился:

— Не ожидал, что вы теперь так сблизитесь! Раньше ты говорил мне, что у Гу Жо холодный нрав и он на всех свысока смотрит. И надо же, прошло всего ничего — тьфу ты, ну надо же, с соседями по комнате всё-таки проще находить общий язык.

Род с любопытством теребил на себе одежду. Эстер подпер рукой подбородок: он понятия не имел, кто окажется его невестой, к тому же его собственный свадебный докомната еще не была украшена — неужели ему придется делить одну на двоих с Родом?

Женщина в традиционном свадебном наряде спустилась с паланкина. Род в нетерпении и любопытстве уже хотел было броситься вперед, чтобы взять ее за руку, но Эстер наморщил нос, бросил случайный взгляд и внезапно замер.

На сердце невольно заскреблось разочарование.

Дзынь-дон, дзынь-дон.

Эстер не понимал происходящего. Перебив старика, он спросил:

— Почему?

— Почему мы должны жертвовать собой ради вас?

Эстер заметил, что старики, несмотря на кажущуюся преклонную старость, двигались легко и свободно — совсем не так, как положено в их возрасте.

— Горный бог дарует благословение. Ради всей деревни вы должны принести себя в жертву без единой жалобы.

Эстер очень серьезно кивал. До тех пор, пока окончательно не сгустилась тьма, он так больше и не увидел Гу Жо.

Шатаясь, к ним приближался паланкин, прибывший издалека. Толпа расступилась, освобождая дорогу тем, кто находился внутри.

Выглядел он на добрую сотню лет, редкие седые пряди свисали прямо до самой груди.

— А вы?

Звуки сунлохов разносились от самого начала деревни до ее конца. Все деревенские старики высыпали наружу, их изможденные лица исказились, а взгляды, устремленные на Рода и Эстера, были полны ужаса. Род и Эстер стояли ни живы ни мертвы, как вдруг в одно мгновение перед ними выросли ряды чарок с праздничным вином.

Его черные волосы были перевязаны красной лентой, а высокий рост придавал лицу благородство нефрита.

— Ой, — равнодушно отозвался Эстер. От такого отношения старик едва не задохлся на месте и чуть не грохнулся в обморок.

Лицо старика слегка исказилось. Он яростно ударил тростью о землю и недовольно процедил:

— Вы здесь ради благ, так что обязаны делать то, что положено!

Подвешенные красные фонари излучали тусклый свет, деревянные двери были распахнуты настежь, а балки украшали красные ленты. Игра сменила Роду одежду на красный свадебный костюм, и к немалому удивлению, Эстер точно так же оказался облачен в точно такой же наряд.

У Рода от напряжения потели ладони. Перезвон колокольчиков смолк, фонари погасли, всё погрузилось в безмолвие и мрак, и лишь бледный свет багровой луны заливал округу.

Глубокие морщины бороздили его лицо, он ссутулился и холодно произнес:

Старики достали и протянули денежные подношения. Кто-то из них курил, кто-то ел, и лишь один старик вышел вперед.

При зажженных фонарях всё казалось обычным, но когда они погасли в лунном свете, Эстер во все глаза уставился на то, как бумажная оболочка фонарей опадала на землю клочьями, обнажая внутри белые погребальные свечи.

— Погодите...

Не успел он договорить, как из леса один за другим стали выплывать новые паланкины, и бесчисленные невесты медленно двинулись вперед.

Невеста схватила Рода за протянутую руку — обнаженная половина ее предплечья оказалась пепельно-серой, с отчетливыми трупными пятнами.

Брызнула кровь из разорванного тела Рода.

— Игра проиграна.

Род рухнул на пол и резко распахнул глаза, обнаружив, что сидит на полу в общежитии, а лица его соседей смертельно бледны.

— Черт, до чего же жуткая хрень. Когда эта мертвая невеста вылезла, я чуть от страха Богу душу не отдал. И что, я уже того, помер?

— Тебе еще повезло, — отозвался другой сосед, не сдержав жалобы: — Вот эта игра — просто мразь. Когда очнулся, меня заперли в гробу, и я даже сообразить ничего не успел, как задохнулся из-за нехватки воздуха.

Род покосился на двоих ребят, которые жались друг к другу. Соседи как раз собирались идти за ужином, и Род, почесав в затылке, поплелся следом за ними.

Индикатор батареи на устройстве балансировал на последнем делении.

Эстер тяжело задышал, ему показалось, что он снова воочию видит собственный предсмертный час. Бессознательно сжав кулаки, он высвободил такую мощную духовную силу, что игра едва

не трещала по швам.

Невесты одна за другой приближались с окровавленными лицами. Эстер зажмурился, и в тот миг, когда их пальцы уже готовы были коснуться его, чья-то рука крепко схватила его за запястье.

Гу Жо в свадебном одеянии откинул вуаль. На его бледных щеках лежал белый макияж, а губы пылали ярко-красным цветом.

В его глазах мелькнуло крайнее изумление, но прежде чем он успел хоть что-то предпринять, вся игра рухнула, и их принудительно выбросило наружу.

Эстер почувствовал адскую боль в голове, затылок неприятно надулся и отек. Прислонившись к шкафу, он уловил какой-то запах — приторно-сладкий аромат сливочного крема, а со лба градом катились крупные капли пота.

Гу Жо сжал кулаки, преодолевая собственную боль, и наглухо запер дверь общежития изнутри, чтобы никто не смог вломиться.

Затем он распахнул окно, позволяя феромонам выветриться из комнаты. Сделав это, он схватился за пылающую железку и рухнул на пол.

Он еще не успел окончательно превратиться из беты в омегу, не говоря уже о том, что всё еще продолжал принимать лекарства. Мощная волна накатившего жара на мгновение лишила его сил.

Эстера охватило жуткое недомогание. В полубеспамятстве он заметил Гу Жо, подполз к нему и крепко обнял.

— Почему... почему мне так плохо? — обиженно пробормотал Эстер. Он заподозрил, что с его телом что-то не так, а в голове мелькали обрывки чужих воспоминаний: кто-то протягивает ему лекарство, кто-то говорит ему...

— Ты — бракованный товар.

— Только так ты сможешь добиться положения и привлечь внимание отца.

Чужие, чуждые ему воспоминания потоком хлынули в сознание, однако часть из них оставалась скрыта под пеленой тумана, не позволяя докопаться до сути.

— Лекарство, мое лекарство в комнате, — вспомнил Эстер. Первоначальный владелец тела, судя по всему, привез с собой из дома какие-то препараты, которые требовалось принимать

каждый месяц.

Гу Жо подавил раздражение. Он понимал, что его нынешнее состояние далеко от нормы, но густой сливочный запах, заполнивший всю комнату, не позволял ему разозлиться по-настоящему, и он спрятал кинжал.

Без церемоний наклеив ему на затылок белый пластырь-изолятор, он подхватил Эстера под руку и вывел из комнаты.

Уходя, он забрызгал освежителем воздуха комнату Рода.

Уложив Эстера на кровать, Гу Жо принялся шарить по столу в поисках лекарства.

Препараты в упаковках были аккуратно рассортированы и ничем особо не отличались от обычных лекарств — если бы он забрал их с собой, пропажу легко было бы обнаружить.

Гу Жо не стал долго раздумывать, решив, что у Эстера просто наступил период повышенной восприимчивости на фоне пережитого испуга, вызвавшего преждевременный выброс феромонов.

Челка Эстера намокла от пота и прилипла ко лбу. Он сердито прижимал к себе купленную игрушку, чувствуя себя так, будто его заживо погрузили в кипящую лаву.

Заметив в руках Гу Жо стакан с водой и таблетки, Эстер испуганно забился в угол кровати, спрятав голову между согнутыми руками.

— Не надо... Ты сам выпей лекарство, а я не буду, оно горькое.

Пусть его речь и была бессвязной, он яростно отказывался принимать таблетки. В расе насекомых лекарства имели огромное значение: в них подмешивали множество различных компонентов, из-за чего вкус получался невероятно горьким.

Эстера с детства воспитывали как сильнейшего самца насекомых, его здоровье должно было быть безупречным, поэтому отец-родитель насильно заставлял его глотать бесчисленные микстуры и пилюли, что и породило у Эстера стойкую фобию к лекарствам.

Но на сей раз Гу Жо вовсе не собирался потакать его капризам.

— Выпить необходимо.

Феромоны Эстера оказывали на него слишком сильное влияние, и если не разобраться с этим

немедленно, проблем не избежать.

Строгий, непреклонный вид Гу Жо вызвал у Эстера приступ мучительного отторжения и протеста. Жутко разозлившись, он отпихнул игрушку в ножки кровати и целиком закутался в одеяние.

Раздалось приглушенное ворчание:

— Не хочу, лекарство горькое.

Гу Жо сдернул с него одеяние. Только сейчас он до конца осознал, насколько же невыносимо упрямой оказалась эта пришлая душа.

Они замерли в ожесточенном противостоянии.

Словно сдавшись перед ним, Гу Жо опустил плечи:

— Раз ты не хочешь пить, я выпью сам.

Эстер приоткрыл один глаз и с удивлением уставился на него: Гу Жо и впрямь единым махом осушил всю чашку. В груди шевельнулась острая вина — это из-за него его лучший друг теперь тоже вынужден глотать эту гадость.

— Ты...

Он хотел извиниться, но Гу Жо внезапно повалил его на кровать. Их губы соприкоснулись, и от этой мягкости Эстер оцепенел, вытаращив глаза от неверия. Кто-то разжал его зубы, и по горлу покатилась горьковатая жидкость.

Однако на вкус всё оказалось совсем не так отвратительно, как он представлял.

Гу Жо тут же отстранился. Слегка смутившись, он кашлянул в кулак.

Эстер послушно проглотил всё до последней капли. Лекарство быстро подействовало, но мысли его всё еще крутились вокруг только что случившегося неожиданного поцелуя.

Капризно ухватив Гу Жо за рукав, он потребовал:

— Больше никогда так не делай!

Они ведь, пожалуй, оба самцы насекомых, как они вообще могли поцеловаться?

И тут же принялся обвинять самого Гу Жо:

— Мог бы и нормально со мной поговорить, успокоить меня... Ты мне чуть руку не сломал своей хваткой!

Гу Жо не удержался от ответного укола:

— Успокаивать тебя? Чтобы ты нормально выпил лекарство? Ха.

Эстер виновато покосился на собственную подушку, надул губы и чуть приспустил ворот одежды, обнажая гладкое плечо.

Там, где Гу Жо впопыхах сжимал его плечи, чтобы унять сопротивление, кожа покраснела и остались следы от ногтей.

Пытаясь перевести тему, он забормотал:

— Смотри, погляди сюда.

Под действием лекарства его разум вновь начал затуманиваться.

Гу Жо щелкнул его по лбу, решив не связываться с больным, и уже собирался встать с кровати, как Эстер вцепился в него мертвой хваткой.

— Ты можешь поспать со мной?

Чем хуже становилось Эстеру, тем сильнее проявлялась его прилипчивость — сейчас ему отчаянно хотелось, чтобы Гу Жо остался рядом.

— Ни за что.

Гу Жо отверг предложение даже не задумываясь — на этой узкой кровати двоим точно было не уместиться.

Но Эстер и слышать ничего не хотел. Он только что прошел жуткую хоррор-игру, ему было страшно, к тому же он больной, а значит, извольте выполнять его требования!

— Ты же мне сделал больно!

<http://bllate.org/book/21018/2136628>